

ДОЛИНА СУХОГО ТРУПА – ОЧЕРК ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹.

С. В. Дмитриев

Ю. Холотова Шинек¹

Долина *Ганьши-гоу* 千尸溝 (Долина Сухого трупа)^b расположена на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (исторический регион Восточный Туркестан), в 460 км к западу от г. Урумчи, столицы автономного района, в автономном монгольском округе Боро-тала (*Бо-эр та-ли мэngu цзы-чжи чжоу* 博爾塔拉蒙古自治州). Эта местность, находящаяся в 60 км от границы с Казахстаном, является южной оконечностью важного для истории кочевых народов региона Семиречье (Жетысу), простирающегося от озера Балхаш на севере до Тяньшаня на юге и ныне разделенного между Казахстаном, Китаем и Киргизией. В течение многих столетий эти места были своего рода мостом между монгольскими и джунгарскими степями на востоке и казахскими – на западе.

Долина находится в 8,5 км к северо-западу от озера Сайрам-нор (Сайлиму-ху 塞里木湖, некитайское население называет озеро Селим). В долину легче всего попасть через города Болэ (博樂市, по-монгольски - Боро-тала, административный центр одноимённого автономного округа; находится в 85 км к северо-востоку от долины) и Вэньцюань (溫泉, некитайское население пользуется казахским вариантом названия – Аршан; в. 22 км к северу). Долина расположена на высоте 2100 м над уровнем моря, ориентирована с северо-запада на юго-восток, достигает 5 км в длину и около 1 км в ширину; со всех сторон она окружена горами (являющимися частью хребта Боро-хоро в составе Тяньшаня), чья средняя высота ок. 2450 м над уровнем моря. Горы к югу от долины в чаще всего покрыты лесом, хвойным или смешанным; вершины, ограждающие долину с севера, в основном растительности лишены. В западной и северо-западной части долины протекает небольшая, но непересыхающая даже в жаркие месяцы река Отоксар (местное монгольское население называет долину по названию реки, уйгуры же используют тюркский вариант китайского названия), в которую весной впадает множество ручейков и протоков, стекающих с гор и пересыхающих к лету. Руслу ручьев пересекают долину во многих местах, они, помимо прочего, играют значительную роль в складывании рельефа местности, вымывая со склонов гор камни разных размеров и усеивая ими поверхность долины. В целом, благодаря тому, что долина хорошо защищена от зимних ветров и неплохо орошается, она в течение всего лета сохраняет травяной покров и считается среди местных кочевников хорошим зимним пастбищем. Вероятно, так было и много веков назад. В то же время, растительность в долине не слишком пышная (и, видимо, на протяжении столетий в основном съедается скотом), что, вкпе с выветриванием, обеспечивает крайне

1. Оросын монгол судлаач

незначительный прирост культурного слоя.

Историческую важность этих мест отмечал уже Поль Пеллио, который полагал, что к югу или к юго-востоку от Сайрам-нора во времена первых наследников Чингис-хана находился город Болод или Болок (Bolod, Boloc) (см. [10, p. 141-142]) где Гийом Рубрук во время своего путешествия встретил многочисленную колонию немецких (*Teutonici*) рабов, захваченных во время похода монголов в Европу и принадлежавших Бури, внуку Чагатая. Здесь они добывали золото и изготавливали для своего господина оружие (см. [12, p. 224-225]).

В августе-сентябре 2006 года было осуществлено осмотр и предварительное картографирование археологических памятников долины, а также опрос информантов^с. Возможностей проведения даже выборочной археологической разведки, к сожалению, не было. Судя по всему, долина никогда не привлекала интереса учёных^д, несмотря на то, что в её пределах на небольшой территории находится большое число весьма разнообразных археологических памятников.

Археологические памятники, представляющие собой хорошо заметные на поверхности захоронения^е, в обилии фиксируются на территории долины; при этом ни одно из них не отмечено за её пределами. Захоронения концентрируются в трёх хорошо отделяемых друг от друга зонах, обозначенных нами как А, В и С (рис. 1). Самая западная из них (А) расположена по обеим берегам реки Отоксар; две других, В и С, расположены в восточном конце долины и разделены небольшим, но заметным на в целом плоской долине вытянутым холмом.

Основываясь на наших наблюдениях, мы постарались разработать предварительную классификацию памятников. Её основным принципом стало разделение памятников на несколько типов по их внешнему виду: форме, размерам и материалам, использованным при их сооружении. Разумеется, точная датировка захоронений невозможна без проведения хотя бы выборочного археологического изучения памятников, но даже анализ их внешнего вида может, как нам кажется, привести исследователя к ряду интересных выводов:

Первая группа (тип I) памятников по предложенной нами классификации объединяет крупные объекты кольцеобразной формы, достигающие 30 м в диаметре (рис. 2). В центре такой конструкции обычно находится каменная насыпь диаметром около 4 м; обычно для этого использованы необработанные камни среднего размера, от 20 до 40 см в поперечнике. Вокруг центральной насыпи возведено двойное кольцо из камней, в средних имеющих 20-30 см в диаметре (рис. 3). Подобные сооружения отмечены только в зоне В, где зафиксировано три захоронения этого типа, причём одно из них выделяется из общей массы своей центральной насыпью, достигающей 8 м в диаметре^ф; к тому же на северо-западной стороне каменного кольца вертикально установлены два плоских камня высотой в 50-60 см, которые формируют своеобразные ворота; на участке между ними (около 1 м) кольцо разорвано.

Некоторые памятники меньших размеров, как кажется, являются сопутствующими сооружениями и тяготеют к описанным крупным объектам. К ним, например, вероятно, относятся небольшие каменные круги диаметром в 1,5 – 2 м, сложенные из вытянутых по форме камней 30-50 см в длину, наклонённых к центру круга (рис. 4). Несколько таких колец найдено в зоне В, в непосредственной близости от крупных памятников первого типа.

Возможно, не будет слишком рискованным провести параллель между захоронениями первого типа и т.н. *херексурами* (*керексурами*), которые в основном датируются бронзовым веком^г - сооружениями, в значительном количестве встречающимися в центральной и западной Монголии, Забайкалье и на юго-востоке Казахстана (т.е., в непосредственной близости от рассматриваемого района). *Херексуры* весьма разнообразны, но сохраняют сходство основных черт: центральная каменная насыпь, окружённая кольцеобразной или прямоугольной оградой, сложенной из небольших камней. Если наше предположение верно, то памятники

Долины Сухого тупа, с их двойными кольцами, видимо, представляют локальный вариант, встречающийся, кажется, только на территории китайского Восточного Туркестана (см. [3, с. 62-102, илл. на с. 66, 76]).

Большинство изученных *херексуров* находятся на территории Монголии и Забайкалья, археологические раскопки показали, что эти сооружения чаще всего были захоронениями (см. [6, с. 83-84]). Почти всегда они окружены разнообразными сопроводительными сооружениями, например, выложенными из камней небольшими кругами, в каждом из которых находят погребенное приношение – например, голову лошади (см. [4, pp.547-563]). Вокруг одного *херексура* может быть сосредоточено несколько сотен таких мелких объектов, возможно, расположенных в строгом порядке, пока неизвестном исследователям. В Монголии в орбите *херексуров* нередко находят и т.н. «оленные камни»^h.

К классу Ia нам кажется верным отнести каменные кольца разной степени правильности и сохранности, диаметром от 4 до 8 м, которые встречаются во всех трёх зонах долины (рис. 5). При этом в зоне В, как кажется, они могут входить в число памятников, сопровождающих захоронения типа I, но, с другой стороны, в зонах А и С они также довольно многочисленны, хотя памятников первого типа там нет. Таким образом, это могут быть и совершенно независимые памятники. Судя по всему, на этот вопрос можно будет ответить только после археологического изучения сооружений.

Ко второму классу (тип II) памятников мы отнесли самые многочисленные сооружения долины: линзовидные каменные насыпки диаметром от 6 до 10 м. В зоне А эти памятники объединены в группы по два или три памятника (рис. 6), заметно их наличие, несмотря на обилие сооружений других типов, и в зоне В. Памятники этого типа представляют собой круги, чья поверхность достаточно равномерно замощена камнями разного размера, от средних (10 см в диаметре) до более крупных (30-40 см в диаметре), причём центр обычно засыпан более мелкими камнями (границы круга иногда отмечены крупными валунами, достигающими в размере 50-60 см). Вероятно, эти объекты можно ассоциировать с захоронениями железного века, принадлежащими скифам или сакам, населявшим регион с VIII в. до н.э. по II в. н.э. (см. [9]).

Среди сооружений зоны А встречаются небольшие каменные кольца диаметром в 4-5 м, сложенные из крупных необработанных валунов, в центре которых лежат плашмя более крупные плоские камни размером до 1 м (рис. 7). Трудно сказать, сопровождают ли эти сооружения захоронения типа II, или их стоит выделить в отдельный тип.

К третьей категории (тип III) мы отнесли три своеобразных памятника, сосредоточенных в зоне А. Эти сооружения представляют собой прямоугольные ограды, сложенные из крупных необработанных камней 30-50 см в длину (рис. 8). Все сооружения расположены рядом и ориентированы по направлению восток-запад. Два из объектов имеют размер 2 на 3 м, третье несколько меньше – 1,5 на 2,5 м. Неподалёку от оград обнаруживаются довольно длинные (длиной до 5-6 м) ряды камней, незамыкающиеся в ограды. Камни, из которых сложены эти ряды, или стенки, напоминают по размеру и внешнему виду те, из которых сложены ограды. Исходя из морфологических особенностей, памятники этого типа, возможно, могут быть соотнесены с т.н. «плиточными могилами» (см. [2, с. 247-354]). Однако эти могилы до сих пор находили только в Забайкалье, в центральной и западной Монголии и Внутренней Монголии, чаще всего они встречаются в тех же местах, что и *херексуры*, образуя с ними обширные ансамбли. Многочисленные исследования культуры плиточных могил в России, Монголии и Китае позволяют отнести её к концу бронзового - началу железного века. В инвентаре этих могил встречается как бронзовое, так и железное оружие, а также металлическая упряжь.

Однако, исходя из характерной группировки трёх сооружений, а также наличие отдельных незамкнутых рядов, не исключено, что в Ганьши-гоу мы имеем дело скорее с памятными *оградками* тюркской эпохи (V-VIII вв. н.э.), напоминающих те, что были обнаружены в ряде районов Алтая посредством археологических раскопок и спутниковой съемки местности (см. [5]).

Судя по предварительному анализу, все описанные памятники построены из местных материалов. И сейчас, благодаря сильной эрозии и деятельности сезонных водных потоков, размывающих окружающие горы, в долине нет недостатка в камнях разной формы и размера. Как кажется, использованные камни обычно не подвергались обработке, хотя в ряде случаев, возможно, строителями и были приложены некоторые усилия, чтобы придать им желаемую форму, но таких случаев немного и правильная форма камней может быть и естественного происхождения.

Как мы упоминали, долина обладает благоприятным микроклиматом: благодаря защищающим её горам здесь более долгое лето и малоснежная зима, достаточно воды и хватает травы - всё это крайне важно для кочевого скотоводства, особенно в этом суровом краю. Кажется возможным, что все эти природные преимущества могли и должны были сделать долину популярной среди кочевников не только в настоящем, но и в прошлом. Судя по анализу археологических памятников, находящихся в долине, можно предположить, что долина входила в ареал обитания многих культур, которые, используя отдельные районы живописной долины в качестве некрополя, сменяли друг друга на протяжении столетий, если не тысячелетий. Конечно, для подтверждения этой гипотезы нужны более тщательные археологические исследования, предложенная классификация ни в коей мере не может претендовать на роль окончательной. Изучение Долины Сухого трупа могло бы многое добавить к нашим знаниям об истории региона, начиная с бронзового века и кончая эпохой господства ещё не исламизированных тюрков. Кажется большой удачей для исследователя, что памятники столь хорошо сохранились, не были разрушены или закрыты более поздними культурными напластованиями. Мы искренне надеемся, что шанс этот не будет упущен.

Рассматриваемый регион крайне интересен и сложен с точки зрения этнического состава. Хотя в последние десятилетия за счёт мигрантов разной степени добровольности значительно вырос процент китайцев, в сельских районах они по-прежнему не слишком заметны. Лицо местного населения в основном определяют монголы, которые, в свою очередь, делятся на две чётко разделенные группы. К первой из них относятся торгоуты, потомки калмыков, в конце XVIII в. бежавших из Российской империи и после долгого и изнурительного марша, сопровождавшегося огромными потерями, вернувшихся в китайские пределы; где они были расселены вдоль границ в северном Синьцзяне (Семиречье и Джунгарии), земли которого опустели после разгрома маньчжурами Джунгарского ханства. Нынешние торгоуты сохранили родной язык и память о бегстве из России. Вторую группу, которая, как кажется, традиционно считается более уважаемой, чем торгоуты, формируют чахары. Они тоже не являются автохтонными насельниками этих мест и прибыли сюда лишь немногим раньше, чем торгоуты, в середине XVIII в. Как известно, исконные кочевья чахар находились в северной части современной провинции Хэбэй, неподалёку от Пекина, однако их хан Лигден, последний чингизидский великий хан, выступил против растущего маньчжурского государства и в 1634 г. был разбит, а его племя подчинено. В начале правления императора Цяньлуна (1711-1799 гг., правил с 1736 по 1795 гг.) часть чахаров была переселена на новую границу, с целью охранять её от казахских набегов. Видимо, положение представителей центральной власти,

принадлежность к «знаменным» войскам предавали чахарам особый статус, следы которого заметны и сейчас. Они редко смешиваются с представителями других народов, в том числе с торгоутами, сохраняют родной язык. Кажется, средний уровень образованности среди чахаров тоже выше, чем среди их соседей (кроме китайцев).

Значительную часть населения региона составляют казахи, причём среди них довольно чётко различаются потомки тех семей, которые жили в регионе издавна (таких меньшинство), и остальные, чьи предки (числом около трёхсот тысяч) перешли границу в 30-е годы XX в., пытаясь спастись от страшного голода — результата сталинской политики насильственной седентаризации и загона казахов в колхозы. От голода и репрессий погибло около 1,5 миллионов казахов, неудивительно, что многие бежали из родных мест, тем более, что в тот момент Китаю, раздираемому гражданской войной и японской агрессией, было совсем не до своих западных окраин. Через некоторое время, когда НОАК ликвидировала т.н. Вторую Восточно-Туркестанскую республику (1944-1949), где значительную роль играли казахи, часть жителей снова бежала, на этот раз в Советский Союз, но процент казахов в регионе остался значительным.

Современные казахи сохраняют определённую неприязнь к чахарам, на почве которой часто регулярно происходят столкновения и даже массовые драки с применением оружия. Эта неприязнь, с одной стороны, коренится в более чем вековой истории взаимных набегов (не будем забывать, что чахары были поселены здесь именно для того, чтобы противостоять казахским набегам), с другой — в том, что казахи, прибывшие в 30-е годы, стали претендовать на часть пастбищ, что вызвало отпор у традиционных насельников региона. Интересно, что религиозные разногласия, как кажется, играют наименьшую роль в этих трениях. Более того, казахи очевидно находятся под сильным культурным влиянием чахаров: почти все из них говорят по-монгольски (монгольский вообще является *lingua franca* данного региона, единственным языком, на котором говорят все, в том числе китайцы), нередки случаи принятия буддизма. Да и мусульмане этих мест, в отличие от жителей сравнительно близко расположенной уйгурской Кульджи (Инин), одного из основных центров исламского фундаментализма и борьбы за независимость Восточного Туркестана сегодня, как кажется, не слишком разбираются в тонкостях своей религии и в ритуальной практике зачастую следуют буддистам (поклоняются *обо*, приносят к почитаемым местам бутылки с водкой и т.п., что, конечно, совершенно невозможно в каноническом исламе).

Уйгуры, довольно многочисленные как среди городского населения, так и среди кочевников, судя по всему, поселились в регионе сравнительно недавно и находятся под сильным влиянием монголов, хотя в крупных конфликтах обычно поддерживают единоверцев-казахов. Уйгуры и казахи обычно беднее и менее образованы, чем монголы, особенно чахары.

Опрос местного населения не позволил собрать много информации о памятниках Долины Сухого тупа. Судя по всему, эти сооружения не относятся к особо почитаемым (из трёх *обо*, возведённых в долине, лишь одно отмечает захоронение из перечисленных), вблизи них ставят юрты и пасут скот, кажется, их не слишком замечают и мало отличают от рельефа. Казахи в основном рассказывают, что это — могилы казахских *батыров*, которые погибли во время страшной битвы с монголами и были, ввиду огромного числа трупов, похоронены прямо на поле битвы. О датировке битвы говорится, что это было во времена Чингис-хана, который и командовал монголами в этой битве, и было это «лет двести назад». Впрочем, как мы уже отмечали, никакого особенного почтения к могилами казахи не выказывают, что заставляет склоняться к мысли, что врядли в них действительно погребены их герои-предки.

Чахары либо ничего не знают о захоронениях, либо полагают, что это могилы «монгольских

героев эпохи Троецарствия» (т.е. III в. н.э., в этой датировке явно заметно влияние китайского образования). В любом случае, все информанты-монголы уверены, что могилы эти очень древние, потому что в течение многих веков, после принятия буддизма, монголы не практикуют погребения своих покойников, в основном оставляя трупы в степи для диких птиц и зверей. Сейчас эта практика запрещена, но, судя по ряду наших наблюдений, кочевые монголы всё равно не отступают от неё. При этом монголы яростно отрицают предположение, что эти могилы могут принадлежать казахским героям, на основании того, что «у этих казахов никогда не было и не могло быть ни одного героя».

Интересно, что чахары тоже помнят про битву, бывшую в этой долине. По их словам, это было около середины XIX в., когда крупный отряд казахов вторгся на территорию Боро-тала. Казахи угнали множество скота и пытались увести его к себе, но в этой долине были настигнуты чахарами и уничтожены.

К этой битве, возможно, имеет отношение интересный объект локального почитания, который, как кажется, имеет большую ценность для этнолога. Это - давшая название долине мумия. Она сохраняется в небольшом гроте, или, скорее, трещине в северном склоне одной из скал к югу от долины, фактически под открытым небом. Деревья вдоль дороги, а также сам грот обильно украшены кусками красной и белой ткани (рис. 9). Рядом с гротом укреплено большое (примерно 3 м на 3 м) белое полотно, почти сплошь покрытое надписями на монгольском, казахском, уйгурском и китайском языках. В большинстве случаев, это молитвы, обращенные к мумии, с просьбой защитить семью просящего, вылечить больного и т.п. Подобными же надписями заполнена школьная тетрадь с привязанной шариковой ручкой, лежащая рядом с гротом, а также все прочие пригодные для этого поверхности. Самая старая датированная надпись относится к 2004 году, что говорит скорее не о молодости культа, а об активном посещении места верующими, которые быстро заполняют своими просьбами все подходящие носители.

Перед гротом, судя по всему, недавно, установлена гранитная стела высотой около 1 м. На ней изображён золотой полумесяц, арабское посвящение «Аллаху, милостивому, милосердному», после чего по-казахски в современной («джадидской») орфографии и арабской графике указано, что здесь упокоился Султан-бек, сын (или потомок) Мурат-бека, сообщены его даты жизни (1839-1860), причём использованы европейские цифры, но дата рождения написана справа, а смерти – слева. Указано, что стела поставлена Кенже-хаджи, сыном Нурсагата' (видимо, это человек, вокруг которого объединяются почитающие мумию мусульмане).

Судя по стеле, покойный должен быть почитаем среди мусульман, однако всё указывает, что круг верующих гораздо шире, да и само место говорит о том, что культ мумии синкретический и церемониал гораздо ближе к буддийскому, чем к мусульманскому: у грота стоят подставки для курения благовоний, в обилии встречаются поднесенные молящимися деньги, бутылки водки и пища; небольшая долина под гротом, судя по лежащим там законченным котлам и чайникам, является местом регулярных трапез верующих. Местное буддийское духовенство также почитает мумию и время от времени проводит у грота молебны. Всё это хорошо демонстрирует крайний религиозный синкретизм, характерный для региона.

Сама мумия (естественно, речь идёт о естественной мумификации, примеры которой нередки в сухом климате Восточного Туркестана) представляет собой скелет, покрытый высохшей плотью желтоватого цвета, очень хорошей сохранности (рис. 10). Без дополнительных исследований трудно сказать, каким был этот человек при жизни, но, судя по хорошему состоянию зубов, он был сравнительно молод.

Труп лежит на правом боку, с лицом, обращенным к юго-западу (т.е., по объяснению

информантов-мусульман, в сторону Мекки). Левая нога мумии сильно повреждена, кусок плоти ниже колена отделен и видна кость. Мумия частично укрыта большим куском белого шелка.

Обилие буддийских элементов в культе, равно как и исключительный объект поклонения (насколько нам известно, ни в одном из известных *мазаров* предметом культа не является мумия), как кажется, несколько выделяет объект из основного числа *мазаров*, центров локальных культов, широко распространённых в Центральной Азии, и особенно в Восточном Туркестане. Многие *мазары* представляют собой настоящие мавзолеи над могилами чтимых мусульманских святых, некоторые очевидно являются святилищами доисламских культов (это могут быть, например, камни странной формы, старые деревья), воспринятыми новой религией. Такие объекты часто находятся вдалеке от жилья, нередко их украшают лентами и кусками ткани, у многих *мазаров* устраиваются угощения и съезды местного населения, что совпадает с описанным нами объектом (см. [8, р. 125; 1, с. 180-181]).

Нами собрано несколько историй, объясняющих появление мумии. Наиболее проработанная из них популярна среди казахов и уйгуров. Она гласит, что это Султан-бек, молодой казахский полководец, который был смертельно ранен в битве с монголами, о которой мы говорили выше. Истекая кровью, он нашёл этот грот, чтобы умереть в нём. Перед смертью он отпустил своего боевого коня, написал на седле своё имя, подложил его под голову, и, повернувшись к Мекке, умер. Через год его конь, сумевший вернуться домой, привел к месту последнего упокоения своего хозяина его старшего брата, который обнаружил, что тело брата нетленно, а сам он, судя по тому, что нашел в себе силы перед смертью повернуться к Мекке, умер как *шахид*.

Монголы не разделяют этой версии. Как мы уже отмечали, в монгольской топонимике (в отличие от китайской, казахской и уйгурской) мумия никак не отражена. Информанты-чахары предположили, что это мумия какого-то несчастного казахского бродяги, который забрел в долину и умер тут от голода. Впрочем, они были явно поставлены в тупик вопросом, почему же, в таком случае, монголы почитают мумию ничуть не меньше казахов. После недолгого размышления, они предложили версию, что это, видимо, какой-то монгольский герой или святой, которого «эти казахи присвоили, как и наши пастбища». Судя по всему, у монголов нет развитой версии происхождения мумии и они почитают нетленное тело как чудесный феномен и показатель святости его обладателя, не слишком задумываясь о том, кем был этот человек.

• Конечно, чтобы точно датировать мумию, необходимы лабораторные исследования. Надо сказать, что её нахождение в гроте представляет собой настоящее чудо для современного Синьцзяна, где поиск мумий стал своего рода местным спортом, поскольку каждый музей хочет обладать таким завидным экспонатом для привлечения посетителей. Как кажется, это ещё один довод в пользу нашего предположения, что Долина Сухого трупа ещё никогда не становилась объектом внимания ученых.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сокращенный вариант данной статьи был опубликован во Франции, см. [7]. На русском языке результаты исследований публикуются впервые.
2. Географические координаты: 44° 46' 183" северной широты, 81° 01' 871" западной долготы.
3. Все полевые данные были собраны С. В. Дмитриевым летом 2006 года. Им же сделаны все фотографии.
4. В одной из обзорных статей об археологических памятниках региона отмечен объект Аныгэликесян, в пояснении сказано, что там находятся «древние могилы». Это место расположено вблизи северо-западного берега Сайрам-нора, т.е., возможно, поблизости от Ганьши-гоу (плохое качество и небольшой масштаб карты не позволяют определить место точнее) (см. [3, с. 100]). Нам ничего не известно о раскопках этого объекта. Отсутствие же интереса ученых к Долине Сухого трупа подтверждается как тем, что на местности не заметно каких бы то ни было следов археологического изучения объектов, так и тем, что местное население, в жизни которого крайне мало событий, о приезде учёных ничего не сообщает.
5. Естественно, с уверенностью утверждать, что мы имеем дело именно с захоронениями, без проведения археологических раскопок, трудно и даже нелепо. Однако, учитывая сходство осмотренных объектов с захоронениями, хорошо изученными археологами в Монголии и Сибири (об этом см. ниже), нам кажется вполне оправданным предположить именно такое предназначение описываемых памятников.
6. В центре этого скопления насыпано небольшое позднейшее обо, знак почитания могилы современными насельниками долины. Так называют груды камней, которые возводятся монголами на горных вершинах, перекрестках дорог, в почитаемых местах. Каждый проходящий мимо обо должен добавить к нему ещё камень в качестве приношения духу места. Почитаемые обо достигают внушительных размеров, украшаются лентами, хадаками и молельными флагами, привязываемыми к палкам и жердям, воткнутым между камнями: прохожие приносят к обо алкоголь и пищу. Культ обо, без сомнения, очень древний и коренится в монгольских традиционных верованиях, однако сейчас он полностью абсорбирован буддизмом, у многих обо регулярно проводятся буддийские молебны. В местах, о которых идёт речь, роль монголов традиционно велика, и обо почитаются как китайцами, так и уйгурами и казахами, исповедующими ислам.
7. Разные авторы предлагают очень различные датировки херексуров, от III тыс. до н.э. до VI в. н.э. Разброс мнений говорит о том, что вопрос этот ещё рано считать решённым. См. [6, р. 80-81].
8. Оленные камни на протяжении нескольких десятилетий были объектом многих исследований советских (позже – российских) и монгольских ученых. Сравнительно недавно раскопки, проведенные экспедицией Смитсоновского института (США), дали возможность получить радиоуглеродные датировки нескольких камней, результаты находятся в пределах с 1200 до 900 гг. до н.э. (см. [11]).
9. Авторы благодарят за перевод текста стелы В. Н. Настича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX веках. Очерки народного ислама в Туркестане. Москва, 2006.
2. Членова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
3. Синьцзян вэньу пуча баньгун-ши, Бо-чжоу вэньу пуча-дуй (Синьцзянская контора исследований культурных памятников, группа исследований культурных памятников округа Боро-тала). Боэргала Мэнгу цзычжи-чжоу вэньу пуча цзыляо (Источники для исследования культурных памятников автономного монгольского округа Боро-тала) // Синьцзян вэньу (Культурные памятники Синьцзяна), 1990, № 1.
4. Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // *Antiquity*. Vol. 79, 2005.
5. Bourgeois J., Gheyle W. The Frozen Tombs of the Altai Mountains. Gent, 2005.
6. Cybiktarov A.D. Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages. (Problems of Ethno-Cultural History of Mongolia and the Southern Trans-Baikal Region in the Middle 2nd – Early 1st Millennia BC // «Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia», 2003, 13, 1.
7. Dmitriev S., Holotova-Szinek J. La vallée de Ganshigou : note sur une enquete archéologique et ethnographique // *Arts Asiatiques* ; Tome 62-2007.
8. Hoppe, T. Die ethnischen Gruppen Xinjiangs: Kulturunterschiede und interethnische Beziehungen. Hamburg, 1998.
9. Les Saka du Xinjiang avant les Han (206 av. – 220 ap. J.-C.) : Critères d'identification. // *Nomades et sédentaires en Asie Centrale*. / Ed. Debaine-Francfort C. Paris, 1990.
10. Pelliot, P. Recherches sur des chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient. Paris, Fondation Singer-Polignac, 1973.
11. The Deer Stone Project : Anthropological Studies in Northern Mongolia 2002-2004 / Eds. Fitzhugh W. W., Bayarsaikhan J., Marsh P. K. Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution and National Museum of Mongolian History. Washington, 2005.
12. Wyngaert, Anastasius van den. *Sinica Franciscana*, vol. I: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV. Quaracchi-Firenze, Collegium Sancti Bonaventurae, 1929.